
ЛОГИКА И ФИЛОСОФИЯ

А. С. Болдырев, А. Ф. Назаренко

КАТЕГОРИИ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ САМОРАЗВИТИЯ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

Аннотация: В статье анализируется значение категорий в процессе формирования философского знания, мировоззрения и миропонимания. Рассматривается роль категорий в синтезировании абстрактного знания и поиске универсальных связей бытия. Кроме того, рассматривается роль категорий в построении научной картины мира. В частности, описываются категории современной деонтической логики и теории принятия решений

Ключевые слова: категория; процесс познания; философское знание; мировоззрение; деонтическая логика; теория принятия решений.

Abstract: In the article importance of categories for organization of philosophic knowledge, world outlook and world view is being analyzed. The role of categories in synthesizing of abstract knowledge and in the search of fundamental principles of universe is also being considered. Besides the role of categories in composition of scientific model of the world is being described. In particular the categories of Deontic Logic and ones of Decision Theory are being analyzed.

Keywords: category; cognition process; philosophic knowledge; world outlook; Deontic Logic; Decision Theory.

Исследование проблематики философских категорий ориентировано на поиск такого инварианта философского знания, который перманентно инициирует саморазвитие философии и в качестве доминанта побуждает ее к самоопределению и содержательному самообогащению. Именно таким доминантом и явились категории.

Как свидетельствует историко-философский анализ, изначально категории «потребовались», как только встал вопрос о принципе структурирования миропонимания и закрепления его в структуре философского знания. Уже Аристотелю было ясно, например, что для развертывания философских представлений о мире в целом оказались недостаточными как «наличные» рационалистические средства (достигнутые предшествующей античной мыслью и в концентрированном виде содержащиеся в философской системе Платона), так и те, которые он сформулировал в учении о категориях. Тем более это стало ясно, когда самоопределяющееся философское знание в «лице» саморазвертывающего свои потенции Разума «изыскивало» внутренние ресурсы для

© А. С. Болдырев, А. Ф. Назаренко, 2013

истолкования целостной картины мира и места в ней человека. Среди этих внутренних ресурсов, как мы видели, почти неизменно назывались категории.

Однако многие вопросы относительно категориального знания недостаточно проработаны и до сих пор. Не вполне выяснена, например, проблема места и роли категорий в общей системе философского знания, природа общего (всеобщего) категорий, их универсальности, «парности» и многое другое из области логико-гносеологической проблематики категориального знания. Ведь для ответа на вопрос, что такое категории, мало сказать, что это особого рода понятия, обладающие предельной степенью общности, а требуется особое рассмотрение «качества» того всеобщего (общего), которое закрепляется той или иной категорией, поскольку для разрешения проблематики внутренней природы категориального знания необходим контекст не только сугубо логического знания в его расчлененно-структурных компонентах, но и контекст всей рациональности.

Становится ясным, что когда мы анализируем такие продукты интеллектуального творчества, как философские категории, то обнаруживаем, что они являют собой особые формы интеграции знания, структурно-смысловая природа которых «перерастает» возможности лишь только логической интерпретации. Дело в том, что философское знание как знание о всеобщем «затребовало» от познающего мышления нахождения таких форм, которые воплощали бы самые общие (универсальные) *связи* между различными «пластами» реальности, дабы воссоздать ее в присущей ей изначально цельности (тотальности). Имеющееся абстрактное знание следовало синтезировать таким образом, чтобы возможным стало обнаружение искомых универсальных связей. Именно категории позволили осуществить такой синтез абстрактного знания. Категории являются такими духовными, идеальными образованиями, означающими «прорыв» из конечного в бесконечное¹, так как духовное, раз возникнув, обладает существованием бесконечно-вечным, не ограниченным пространственно-временными границами.

Особого интереса заслуживает роль философских категорий в процессе возникновения научной идеи. Например, история открытия Лейбницем исчисления бесконечно малых, его теория «всеобщей характеристики» и объяснение природы логического как комбинаторики особого типа, давно уже заставили исследователей обратить внимание на их непосредственную связь с «монадологией»². Так, представляя мир как определенный способ организации монад, Лейбниц переносит эту идею на логику и математику. Категория «возможных миров», уместная, казалось, только в системе лейбницевской традиции, оборачивается в начале XX в. своей творческой стороной в логике и математике. По существу эта идея разрешала определенный тип мысленного эксперимента: конструирование некоторой произвольно заданной области идеальных объектов в отношениях, запрещенных в реальности. В приводимом примере мы имеем дело с фактами, когда реальное научное содержание философской концепции разрушает ее мистическую форму и прокладывает путь к конкретному научному знанию.

¹ О проблеме бесконечного как лейтмотива познания вообще см.: Кармин А. С. Познание бесконечного. М., 1981.

² Bocheński J. M. *Formale logik*. Freiburg; München, 1956. S. 581.

Итак, философский компонент (через соответствующие категории) не выступает внешним для научного знания, он не лежит вне самой науки, не витает над науками в качестве неких спекулятивных предпосылок, но входит в саму систему научного знания, инициируя его движение и развитие. Так, детерминанты самоопределения философского знания получают благодаря категориям свое инобытие в качестве детерминантов внутренней тенденции развития самой науки.

Подчеркивая автономность развития философского знания в плане его саморазвития, мы в то же время обращаем внимание на вхождение его концептуальных структур в массив той или иной конкретной науки. Это вхождение, в свою очередь, является важной составной частью тех интеллектуальных структур, которые обеспечивают относительную независимость теоретических построений науки от ее эмпирического базиса. При этом следует постоянно иметь в виду структурную неоднородность науки, известную разделенность ее на «этажи» абстрактности, из которых самые абстрактные, состоящие в преобладающей мере из сугубо теоретических концептов, называемых фундаментальным знанием, максимально сближаются с философскими построениями: делая невозможным однозначное решение вопроса, что есть философского в теле абстрактных научных представлений. Поскольку между указанными этажами существуют логически-смысловые и методологические переходы, постольку философские мировоззренческие предпосылки оказывают опосредующее воздействие на формирование представлений о самих эмпирических основаниях науки. Отсюда понятно, как конкретная наука формирует внутри себя механизм избирательности, определяющий, какой именно философский материал или смысловой аспект категорий философии может быть включен в контекст науки, составляя ее собственное содержание.

Представленное понимание внутренней природы философского знания и ее внутренних детерминантов саморазвития — категорий, позволяет раскрыть понятийный «механизм» такой отрасли становящейся науки, как теория принятия решений.

Современная теория принятия решений (ТПР) была основана в середине XX в. на пересечении нескольких наук, так как деятельность, связанная с принятием решений, интересует и экономистов, и статистиков, и психологов, и политологов, и социологов, и философов. Политолога, например, интересуют закономерности голосования и некоторые другие особенности коллективного принятия решения, психолога — особенности индивидуального поведения при принятии решения, философа — фундаментальные закономерности рациональной деятельности, связанной с принятием решений. Более детальное рассмотрение процессов, связанных с принятием решений, позволяет сделать вывод о том, что в их основе лежат одни и те же закономерности, некий общий понятийный и категориальный «каркас».

Различают два вида теорий, связанных с пониманием принятия решения: нормативные и дескриптивные. Нормативные теории — это теории о том, как надлежит принимать решения, а дескриптивные — о том, как решения принимаются в действительности. Термин «надлежит» понимается следующим образом: процедура принятия решения должна отвечать некоторым правилам (принимаемым определенным кругом специалистов, работающих в некоторой области), чтобы считаться рациональной.

Нормы рациональности иногда рассматриваются как внешние по отношению к самой теории принятия решений. Они зависят от той области, в отношении которой принимается решение. Например, ими могут быть этические нормы, нормы политической корректности и т. д. Кроме того, нормативные ТПР рассматривают ряд вопросов, связанных с тем, как следует принимать решение в условиях неопределенности или в условиях недостатка информации. Еще одним важным вопросом нормативной ТПР является вопрос о том, как человек координирует свои решения с течением времени, а также какие существуют процедуры, позволяющие вырабатывать решения группе людей.

Рассмотрим более детально процесс принятия решения. Большинство решений не принимаются мгновенно. Принятие решения требует обычно вполне определенного количества времени. Следовательно, было бы естественным разделить процесс принятия решения на отдельные стадии. Французский философ эпохи Просвещения Жан-Антуан-Никола Кондорсе (1743–1794) одним из первых в процессе принятия решений выделил отдельные стадии. Он разделил процесс принятия решения на три стадии. На **первой стадии** обычно обсуждаются принципы, которые будут положены в основу решения проблемы. Мы исследуем различные аспекты проблемы, анализируем последствия принятия того или иного решения. Мнения по поводу возможных решений являются персональными и не синтезируются в какое-то единое решение. **Вторая стадия** связана с прояснением решаемой проблемы и сведением всех выдвинутых возможных решений к ограниченному количеству альтернатив. **Третья стадия** связана с выбором какого-то одного решения из оставшихся альтернатив.

Ориентируясь на «стадийный» процесс принятия решений, рассмотрим его основные понятия. Наиболее важное из них — «Лицо, принимающее решения» (ЛПР). Это человек, на котором лежит ответственность за принятое решение, тот, кто подписывает приказ или иной документ, в котором выражено решение. Обычно это генеральный директор или председатель правления фирмы, командир воинской части, мэр города и т. п. Иногда ЛПР представляет собой коллектив (Государственная Дума Российской Федерации).

Проект решения готовят специалисты, как говорят, «аппарат ЛПР», часто вместе с сотрудниками иных организаций. Но ответственность все равно лежит на ЛПР, а не на тех, кто участвовал в подготовке решения. В практической работе важно четко отделять этап дискуссий, когда рассматриваются различные варианты решения, от этапа принятия решения, после которого надо решение выполнять, а не обсуждать.

Следующими важными понятиями ТПР являются «порядок подготовки решения» (ППР) и «цель принятия решения» (ЦПР). ППР — это определенный алгоритм, в соответствии с которым вырабатывается решение. Каждое решение направлено на достижение определенной цели: увеличение прибыли фирмы, достижение ситуации законности в определенной сфере отношений и т. д. Это и есть ЦПР. Каждое решение предполагает использование тех или иных ресурсов для достижения ЦПР. Это средства реализации решения (СРР).

Многие решения принимаются в условиях недостатка информации, а значит, в условиях риска, т. е. в условиях возможного недостижения ЦПР после реализации при-

нятого решения. Связано это с ограниченностью наших познавательных возможностей. Поэтому иногда в ТПР применяется такое понятие, как риск принятия решения (РПР). Возможно также использование такого понятия, как «критерии оценки решения» (КОР). Применяется оно обычно в ситуации сравнения нескольких решений для выбора наиболее оптимального, т. е. обеспечивающего скорейшее достижение ЦПР.

Теория принятия решений может эффективно применяться в юридической деятельности. Например, целью судебного заседания является принять правильное решение относительно виновности или невиновности обвиняемого. В данной ситуации суд может совершить две ошибки: (а) принять решение о наказании невиновного; (б) оправдать виновного. В зависимости от того, какая из ошибок считается более серьезной в системе правосудия, применяются различные принципы принятия решений (например, принцип презумпции невиновности).

Процесс принятия решения, особенно в юридической практике, может быть также описан и средствами деонтической логики. Одной из областей применения деонтической логики, как известно, является юриспруденция. Моделирование принятия решения в юридических процессах, проверка нормативных кодексов на соответствие принципам деонтической непротиворечивости, полноты и независимости, создание юридических баз данных и широкое применение автоматизированных систем управления в области права стало возможным благодаря развитию мультимодальных, в том числе временных, нечетких и немонотонных деонтических систем, а также деонтических логик действия³. Так, например, в криминалистике иногда возникает необходимость прогнозировать (моделировать) поведение исследуемого лица в той или иной ситуации. Эту проблему можно попытаться решить средствами деонтической логики. Если к модели мира человека добавить аксиому $OA \rightarrow A$ (если действие A обязательно, то оно имеет место в действительности), то мы получим модель поведения законопослушного индивида. Если же известно, что человек может не выполнить обязательное действие, то к его модели мира можно добавить следующую аксиому: $\Diamond (OA \ \& \ \neg A)$ (возможна ситуация, когда действие A обязательно, но в действительности не выполняется).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в теории принятия решений тесно взаимосвязаны как общефилософские принципы и категории, так и современные неклассические направления в логике.

³ Лисанюк Е. Н. Деонтическая логика // Логика: учебник / под ред. И. Б. Микиртумова, А. И. Мигунова, Б. И. Федорова. М., 2010. С. 401.